

МОДНОЕ И ВЕЧНОЕ

О дневнике Сергея Шерстюка, опубликованном в журнале «Октябрь»

Независимая газета 2005 - 2000 - 8 сент - с. 7

Татьяна Кравченко

ДАЖЕ те, кто Шекспира никогда не читал, могут процитировать к случаю, что, дескать, «нет повести печальнее на свете, чем повесть о Ромео и Джульетте». Прочитывают и ошибутся. На самом же деле заключительная строка в оригинале звучит иначе: «повесть о Джульетте и ее Ромео». И для Шекспира был важен именно такой порядок имен: Джульетта, а не Ромео — камертон этой любви, и Ромео тянется к ней, постепенно избавляясь от эгоцентрического самолюбования и ненужной риторики. Джульетта с самого начала знает, Ромео же лишь под ее влиянием приходит к пониманию того, что все подлинное не нуждается в дополнительных изысках и вывертах, подлинное — сильно и просто.

То, что напечатано в «Октябре» № 8 под названием «Украденная книга», можно назвать повестью о Елене и ее Сергее. «Украденная книга» — так публикаторы обозначили фрагмент из дневника умершего два года назад художника Сергея Шерстюка, мужа актрисы Елены Майоровой. Напечатанный отрывок — та часть жизни (весьма небольшая, несколько месяцев), которую Шерстюк прожил после Майоровой. Кусочек времени от ее смерти до его смерти.

Говорят, в молодости Сергей Шерстюк жаждал славы Энди Уорхола — и не получил ее. Шерстюковские хулиганские выходы быстро канули в Лету, о его гиперреализме помнят разве что приятели по тусовке, о нашумевшей в свое время выставке «Все это я сл» критики отзываются весьма прохладно (опять же те, кто ту выставку еще помнит).

Елена Майорова.
Фото Карена Каптайяна

И все-таки Сергей Шерстюк достоин того, чтобы его имя осталось в анналах нашего времени. Возможно, после публикации дневника слава и придет к нему — не к интеллектуальному хулигану, придумавшему Емасалу, не к эпатирующему публику художнику, а к человеку страдавшему и любившему, к человеку, чуждому игры, самолюбования и эгоцентризма. Но, похоже, Сергею Шерстюку — автору дневника — на популярность и славу уже было наплевать.

Автор предисловия Игорь Клех прав, называя «Украденную книгу» целостным произведени-

ем: действительно, в опубликованных отрывках просматривается вполне связный сюжет, история любви, которая имеет начало, развитие и (к сожалению) известный конец. Дневник полон воспоминаний, событийных, — и обыкновенных, будничных сценок: дача, Лена на велосипеде, Лена с грибами в руках у летней кухни. И — недоумение: еще недавно она была, а теперь — нет? И — разговоры с Леной, для него живой по-прежнему. Ее голос: «Ты всегда думал, что я навсегда — вот здесь, где мы живем ихлопаем дверьми, ты и не взрослел потому, что я — навсегда, ты одного боялся — умереть раньше меня. Потому что чуть что — укутывался одеялами, хныкал, требовал, чтобы я непременно закопала тебя в землю, а картины долго не продавала... Бедный Сережа, что было в твоей голове? Когда ты так боялся смерти, ты совсем забывал обо мне, но требовал: сядь рядом, дай руку, не уходи, положи руку на сердце. Ты любил смотреть мне в глаза, но именно тогда, когда мне это было необходимо как жизнь, ты смотрел в потолок, в пол, морщился, а у меня сердце разрывалось, и я думала, что всем обуза, нелюдь, что попала к вам, людям, случайно. Когда я говорила «вы» — ты морщился (это тот, кто меня любит!) и мечтал об одном: скрыться, убежать, забиться в угол, пока не пройдет. А ведь я ждала, чтобы ты только погладил меня, не обнял, нет, а только погладил волосы».

Раскаяние. И опять — мучительное недоумение: «Как же так: так трудно полюбить, а мы любили, трудно любить, а мы любили, трудно любить свое дело, а мы любили. Красивы, талантливы, остроумны, веселы да и как похожи при всей непохожести — и вот тебе». И — отъединение от всего того, что наполняло жизнь прежде...

Но вот несколько моментов из предисловия, которые вызвали некоторое недоумение. «Нет на свете ничего интереснее загадки и тайны личности, живой и непоследовательной, — пишет Игорь Клех, — даже не сшившейся бедному воображению беллетристов, этих каторжников «реализма», наловчившихся для пропитания «тискать романы». Дневник — жанр в высшей степени литера-

турный в том смысле, что всегда адресован не современникам, а некой «понимающей субстанции», персональной, но при этом лишенной определенности очертаний и реагирующей на фиктивность и фальшь, как лакмусовая бумажка: моментально приобретают трупную синюшность или краснеют от стыда целые страницы». Может быть, романы Игоря Клеха и его собственный дневник (если он его ведет) и адресованы «некой понимающей субстанции», но то, что напечатано в «Октябре», несомненно, нужно живым людям и современникам. И это как раз не «роман в жанре non-fiction», — новоизобретенное Клехом определение. Это реализм — и в самом чистом своем проявлении.

По определению литературного энциклопедического словаря, реализм — это когда художник изображает жизнь в образах, соответствующих сути явлений самой жизни. Но мне больше нравится давнее определение Павла Басинского, когда-то написавшего в «Новомирской» статье, что «реализм знает о замысле мира, чувствует его и берет на себя добровольное страдание правдивости: лепить не по собственной воле, но «по образу и подобию». Реалист обречен выжидать, пока «тайна» мира, «сердце» мира, «душа» мира не проступят сами в его нисаниях, пока слова и сочетания их не озарятся сами внутренним светом, а если этого нет — игра проиграна, и ничто ее не спасет. В реализме... все в конце концов встает на свои места: является человек, который как-то ставит рядом обыкновенные слова, а звучат они уже по-другому и смыслам совсем другой».

И то и другое вполне относимо к «Украденной книге».

А предисловие — оно как бы из той, другой жизни Шерстюка, до гибели Елены Майоровой. Когда он действительно жил «in between» магией и православием. Потому что автор «Украденной книги» к магии не имеет уже никакого отношения. И выспренное определение Клеха — «последняя в XX веке трагическая история любви» — больше подходит как раз для рекламы коммерческого «романа», а не для того пронзительного и искреннего чувства, которым пронизан дневник.